

№ 2017 г.

[illegible]

Не я виноватъ въ своей болѣзни и не мнѣ лечить себя, ибо болѣзнь сія, надо полагать, имѣетъ свои корни отъ насъ хоронихъ цѣли и послана не даромъ... Не даромъ не даромъ она съ гусаромъ!...

Письмо это является вѣрнѣйшей картиной того безвременья русской жизни, въ которое пришлось жить и страдать мыслить такому чуткому и отзывчивому художнику, какимъ былъ Чеховъ.

Конечно, значительная доля тѣхъ личныхъ признаній и самобичеваній, которыми полно пришедшее письмо, нѣтъ относитъ на счетъ извѣстной скромности ея юмора, ибо бытописатели „хмурыхъ людей“, къ живущая сатара клеймилла утѣрость Пришибаевыхъ и ханжесконовъ, несомнѣнно, зная, почему и отчего онъ не мирится и не можетъ помириться съ настоящей жизнью и какіе свѣтлые идеалы при-

*) Намекъ на личный рассказ Чеховича.

совались его взору.

Что онъ былъ художникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и его утверждение: „кто ничего не хочетъ, ни на что не надеется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ“, — только лишній разъ подчеркиваютъ ограниченность развиваемой нами мысли и громадную несоостоятельность увѣреній близорукой критики, что Чеховъ не знаетъ, куда онъ идетъ и зоветъ за собою читателя, что у него нѣтъ идеаловъ и принциповъ, что онъ разбрасываетъ щедрою рукою лишь цѣпъ невиннаго юмора и т. д.

Интересна дальнѣйшая судьба этого письма и отношения Чехова къ тому вопросу, который въ немъ затрогнутъ.

Вопросъ этотъ очень существенный для понимания всего Чехова, и читатель на насъ не поскутеть, если мы остановимъ на немъ его вниманіе еще на нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ перейти къ другимъ особенностямъ писемъ Чехова.

А С. Суворинъ пугиванное нами письмо Чехова переслалъ тѣмъ С. и выѣсть съ ея отъѣздомъ написалъ Чехову письмо.

Чеховъ отвѣчаетъ:

„То, что у подавляющаго большинства писателей и художниковъ нѣтъ цѣлей въ творчествѣ — явленіе вполне законное, послѣдовательное и любопытное, и если С. ни съ того ни съ сего испугалась жуেলা, то это не значить, что я въ своемъ письмѣ лукавилъ и кричалъ душой. Вы сами знаете неискренность уже послѣ того, какъ ея написала Вамъ. Яначе бы Вы не послаалъ ея моего письма. Въ своихъ письмахъ къ Вамъ я часто бываю несправедливъ и наивенъ, но никогда не пишу того, что мнѣ не по душѣ.

Если Вамъ хочется неискренности, то въ письмѣ С. ея миллионъ пудовъ. „Величайшее чудо это самъ человекъ и мы никогда не устанемъ изучать его...“ или „цѣль жизни—это есака жить“... или „я живу въ жизни, въ ея свѣтлыя минуты, ради которыхъ не только можно, но и должно жить, вѣроу въ человека, въ хорошія стороны его души“ и т. д. Неужели все это искренно и значить чего-нибудь? Это не воззрѣніе, а моннасье. Она подчеркиваетъ „можно“ и „должно“, потому, что боится говорить о томъ, что есть и съ чѣмъ нужно считаться. Пусть она сначала скажетъ, что есть, а потомъ уже я послушаю, что можно и что должно. Она вѣрять въ „жизнь“, а это значить, что она ни во что не вѣрять, если она умна, или же попросту вѣрять въ мужицкаго Бога и крестится въ потемкахъ, если она баба.

Подъ влияніемъ ея письма Вы пишете мнѣ о „жизни для жизни“. Покорно вастъ благодарю. Видѣ ея жизнепастостное письмо въ тысячу разъ больше похоже на могилу, чѣмъ мое. Я пишу, что нѣтъ цѣлей, и Вы понимаете, что эти цѣли я считалъ необходимыми и охотно бы пошелъ искать еал, а С. пишетъ, что не слѣдуетъ мнить человека всякими благами, которыхъ онъ никогда не получитъ... „цѣли то, что есть“, и по ея мнѣнію, вся наша бѣда въ томъ, что мы все ищемъ какъ-то въ вышнихъ и отдаленныхъ цѣляхъ. Если это не бабья логика, то нѣтъ это философія отчаянія. Кто искренно глуметь, что выстѣя и отдаленныхъ цѣлей нѣвозможны такъ же мало, какъ коровѣ, что въ этихъ цѣляхъ „вся наша бѣда“, тому остается кушать, пить, спать, или когда это надоесть, разбѣжаться и хватить лбомъ объ уголъ сундука“.

Развѣ это не пламенное торжѣніе въ стремленіи къ вышнимъ и святымъ идеаламъ человечества, и кто ласкъ приведенныхъ ецѣмъ пометить упрекнуть извѣстеля въ безразличіи-эомъ равнодушія ко всему и ко всему холодно?

Но чеховская душа, какъ вѣжнхъ цѣпътокъ мимозы noli me tangere: ему уже совершенно и неловко, что слишкомъ близко и неосторожно коснулись сокровѣннѣйшей святости его души и что онъ самъ слишкомъ широко растворилъ двери въ ея святѣище.

И совершенно по чеховскъ онъ продолжаетъ непосредственно за этими и кончаетъ свое письмо.

„Я не браню С., а только хочу сказать, что она далеко не жизнепастостная особа. Повидимому, она хорошій человекъ, но все-таки напрано. Вы показали ей мое письмо. Она для меня чужая и мнѣ теперь неловко“.

И тутъ же, чтобы скрыть свою неловкость — переходъ:

„У насъ уже вѣдетъ гусемъ и вѣреть постынія къ со свѣтлами...“

И черезъ нѣсколько строкъ въ заключеніе, вспоминая весь предыдущій разговоръ:

„Будьте здоровы и никогда не пишите мнѣ, что Вы отговорили, чѣмъ я“.

Такъ осторожно и скромно повѣряя свою душу своимъ друзьямъ А. П. Чеховъ, больше всего опасался того, какъ бы кто не обидѣть рѣзкимъ словомъ и сужденіемъ.

Но письма Чехова помѣтъ этого спеціального интереса представляють другой, гораздо болѣе значительный самобытный, такъ сказать, интересъ, какъ своего рода художественно-литературный памятникъ.

Въ письмахъ вылился весь Чеховъ, со своей особенной ему одному манерой писанія.

Неподражаемый елѣмъ, блестяи котораго разсѣяны вездѣ и всюду, о чемъ бы и го поводу чего бы онъ ни говорилъ, прицѣпываютъ къ себѣ вниманіе читателя писемъ.

Каждое самое обыденное и мелочное жизненное явленіе художникъ умѣетъ облечь въ неподражаемо чудесныя формы, отъ чего и самое явленіе и весь его характеръ и смыслъ приобретаютъ совершенно другое значеніе.

Вотъ обладаетъ къ покойному писателю редакторъ „Сѣвера“ В. А. Тихоновъ съ самой обычной просьбой прислать для журнала біографическія данныя, и Антонъ Павловичъ отвѣчаетъ юморстическимъ жизнеописаніемъ, представляющимъ своего рода литературный шедевръ.

„Рамъ нужна моя біографія? Вотъ она. Родился я въ Татаровѣ въ 1860 г. Въ 1874 г. окончилъ курсъ въ татарской гимназіи. Въ 1884 г. окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1888 г. получилъ Пушкинскую премію. Въ 1890 г. совершилъ путешествіе на Сахалинъ черезъ Сибирь и обратно моремъ. Въ 1891 г. совершилъ турѣ по Европѣ, гдѣ былъ прекрасное вино и былъ устрицъ. Въ 1892 г. гулялъ на пальмахъ съ В. А. Тихоновымъ. Писать началъ въ 1879 г. въ „Цѣпъкозѣ“. Сборники мои суть: „Пестрые разказы“, „Въ суперкалѣ“, „Разказы“, „Хмурые люди“ и повѣсть „Дуэль“. Грѣшилъ и по драматической части, хотя и умѣренно. Переведенъ на всѣ языки, за исключеніемъ японскихъ. Впрочемъ, давно уже переведенъ нѣмцами. Чехи и сербы также одобряютъ. И французы не чужды чуждѣности. Тайны любви постигъ я, будучи 13 лѣтъ. Съ товарищами, какъ врачамъ, такъ равно и литераторамъ, пребываю въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Холостъ. Желалъ бы получить пенсію. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, лѣтомъ пропозую судебно-медицинскія вскрытія, коихъ не совершаю уже года 2—3. Изъ писателей предпочитаю Толстого, а изъ врачей—Зхарыина. Однако есъ это вздоръ. Пишите, что угодно. Если вѣтъ фактовъ, то замѣтите ихъ мимолетно“.

Благодаря неистощимому юмору, благодаря увѣкательной художественно-литературной формѣ письма Чехова просто неподражаемо, какъ литературный памятникъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они читаются съ такимъ захватывающимъ интересомъ.

Всего ихъ разнообразнаго содержанія въ одной короткой замѣткѣ охватить не представляется никакой возможности.

Въ нихъ вылилась вся многогранная и сложная душа влстителя думъ и настроеній цѣлой полосы нашей общественной жизни.

Къ какому бы явленію художникъ ни подходилъ, на какой бы жизненной мелочи ни останавливался его внимательный взоръ, онъ вездѣ и всюду отмѣчалъ тѣмъ стороны, которыя ускользнули бы отъ взора обыкновеннаго наблюдателя.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ его письма къ Суворину отъ 26 октября 1895 года.

„Дочери Толстого очень симпатичны. Онѣ обожаютъ своего отца и вѣрять въ него фанатически. А это значить, что Толстой въ самомъ дѣлѣ великая нравственная сила, и если бы онъ былъ неискрененъ и не безупреченъ, то первая стала бы относиться къ нему скептически, такъ какъ дочери тѣ же воробы: ихъ на мѣнѣи не проведешь... Нефету и любовницу можно надуть, какъ угодно, и въ глазахъ любимой женщины даже оселъ представляется философомъ, но дочери—другое дѣло“.

Изъ этихъ вскользь бѣгловое замѣчаніе въ письмѣ къ И. Л. Печеву о религиозно-нравственномъ воспитаніи въ школѣ Рачинскаго.

„Да, такихъ людей, какъ Рачинскій, очень мало на бѣломъ свѣтѣ. Я, голубчикъ, понимаю Вашъ восторгъ. Послѣ духоты, какую чувствуешь въ средѣ Б. и А.—а ими полонъ міръ, —Рачинскій, идейный, гуманный и чистый, представляется веселымъ зефиромъ. Я готовъ за Рачинскаго жизнь свою положить, но, милый другъ, разрешите мнѣ это „но“ и не сердитесь—я не отдалъ бы его въ школу евангеліи. Почему? Я получалъ въ дѣтствѣ религіозное образованіе и такое же воспитаніе—съ церковнымъ вліяніемъ, съ чтеніемъ апостола и кафізмъ въ церкви, съ исправнымъ посвѣщеніемъ утрени, съ обязанностью помогать въ алтартѣ и звонить на колокольнѣ. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ, религіи у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда бывало, я и два мои брата среди церкви шли трио „Да исправится“, или же „Архангельскій гласъ“, на насъ все смотрѣли съ умиленіемъ и завидовали моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжниками. Да, милый! Рачинскаго я понимаю, но дѣтей, которыхъ у него, я не знаю. Ихъ душъ для меня потемки“.

И изъ письма къ Суворову на ту же тему:

„Вообще въ такъ называемомъ религіозномъ воспитаніи не обходится дѣло безъ ширмочки, которая недоступна оку посторонняго. За ширмочкой истязуютъ, а по сю сторону ея улыбаются и умиляются“.

Мы очень долго не могли бы окончить нашей статьи, если бы садясь цѣлью соборнаго таланта все перлы художественнаго творчества, разбросанные въ памяти покойнаго писателя и все тѣ удивительно тонкія и вѣрныя замѣчанія, которые явились плодомъ необычайно сильнаго наблюдательнаго его аппарата.

Только внимательно прочтя все чеховскія письма, эти, такъ сказать, налету и мимоходомъ брошенные замѣчанія и мысли; мысли, только что вотъ въ этотъ моментъ и по этому, данному поводу, безъ размышленія и даже возникшія и зародившіяся въ его мозгу, — можно понять, какимъ образомъ художникъ сумѣлъ охватить цѣлую эпоху русской общественной жизни, заключить ее въ фокусъ своего творческаго таланта и затѣмъ отобразить ее въ своихъ произведеніяхъ.

Владимиръ Вронскій.